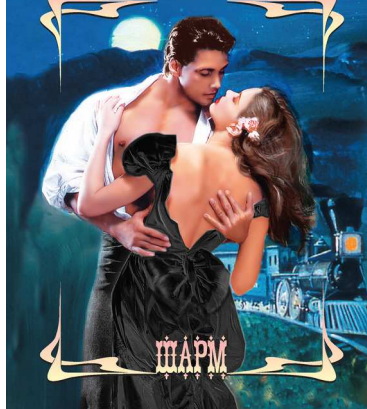

ДЖИЛЛИАН СТОУН

Влюблен
и очень опасен

ШАРМ

Джиллиан Стоун

Влюблен и очень опасен

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6737765
Влюблен и очень опасен: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-082156-3

Аннотация

Отец Фанни Грейвил-Ньюджент, известный изобретатель, трагически погиб. И что еще ужаснее, пострадало его доброе имя. А вести расследование поручено не кому иному, как Рейфелу Льюису, бывшему жениху Фанни – смелому и проникательному детективу Скотленд-Ярда!

Фанни понимает: только Рейфел в состоянии помочь восстановить истину. Но стоит ли доверять мужчине, однажды уже обманувшему ее чувства? Даже если в сердце под пеплом горечи и разочарования еще теплится огонек былой любви...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джиллиан Стоун

Влюблен и очень опасен

Роман

Глава 1

Фицровия, Лондон, 1887 год

– Отчаянный ты парень, Рейф. Я бы так не смог.

Рейфел Льюис чиркнул спичкой. Едкий запах серы повис в душной темноте ночи.

– Поцелуй меня в зад, Флин. – Рейфел с наслаждением затянулся сигаретой – курить сигареты марки «Филипп Моррис» считалось модным в гомосексуальных кругах – и, запрокинув голову, устало прислонился к фонарному столбу.

– Меня уволь, а вот кое-кто, пожалуй, от такой чести не отказался бы, – насмешливо парировал Флин Рис.

Если бы детектива Льюиса спросили, что заставило бы его бросить любимую работу, он бы ответил не раздумывая: еще одно подобное задание.

– Иди к черту.

Облюбованный сыщиками фонарный столб находился в нескольких ярдах от дома номер тридцать пять по Кливленд-стрит, в котором располагался самый шикарный гомосексуальный бордель города. Но внимание Скотленд-Ярда этот бордель привлек не своей специализацией, а участвовавшими скандалами с участием завсегдаев заведения из числа первых лиц королевства.

Рейфу и Флину предстояло провести специальную операцию по задержанию одного или нескольких причастных к скандалу лиц, известных своей слабостью к мужским прелестям. Расчет был на то, что полученные в камере предварительного заключения «приятные» впечатления заставят распоясавшихся сластолюбцев вести себя скромнее. При этом в Скотленд-Ярде каждый понимал: самое большое, что можно сделать – это запугать преступников. Довести дело до суда едва ли удастся.

Рейф достал из кармана бумажный пакет с тянучками и протянул напарнику.

– Не желаете сладенького, мистер Рис?

Флин отправил конфету в рот.

– Не искушайте меня, мистер Льюис, – протянул он, с удовольствием причмокивая.

Рейф выпустил колечко дыма.

– А ты молодец, Флин. Сработал на ура. Тот парень и понять ничего не успел, как оказался в наручниках.

Добротная четырехместная карета выехала из-за угла, постепенно замедляя ход.

– На ловца и зверь бежит. Рискнем? – Флин, подмигнув Рейфу, юркнул в переулок, где, по слухам, любители однополрой любви находили друг друга.

Карета проехала мимо вальяжно покуривающего у фонарного столба детектива Льюиса и остановилась там, куда свет фонаря не доставал. Затувив сигарету, Рейф неторопливо направился к экипажу. Возможно, этот «клиент» из тех, кто предпочитает заниматься любовью, не выходя из салона. Краем глаза Рейф заметил, как метнулся по переулку и притаился за каретой его напарник Флин.

Окно экипажа приоткрылось.

– О, цветок нездешний и прекрасный! Можно ли купить твою благосклонность?

Детектив Льюис за словом в карман не полез:

– Лишь лучших я готов принять в свои объятия. – Рейфу не удавалось разглядеть лицо сидящего в карете мужчины; угадывался лишь темный силуэт господина в шляпе-котелке. Впрочем, кем бы ни был этот господин, цель его приезда сомнений не вызывала. Поговорка «Рыбак рыбака видит издалека» применительно к этому случаю могла звучать так: «я милого узнаю не по цвету, а по поэту». Среди эстетствующих приверженцев однополой любви имелся обычай вместо визиток обмениваться поэтическими строфами, наполненными особым, лишь им одним понятным эротизмом.

Губы крупного и, надо сказать, довольно красивого рта загадочного любителя поэзии – верхняя часть лица, включая глаза и нос, оставались в густой тени – медленно растянулись в улыбке. От господина в котелке пахло дорогим табаком и выдержанным виски.

– Он так хорош, что глаз не отвести, и обещает сладкие утехи его порочная улыбка, но... – Господин в экипаже вежливо ждал ответной реплики.

Рейф вымучил улыбку, лихорадочно подыскивая подходящую строфу.

– Но вкусит от плода запретного того лишь тот, кто щедро за него заплатит, – триумфально закончил Рейф.

– Даю тебе десять гиней и ни фартингом больше. – Господин в котелке высунул голову из окна экипажа – прямо под каретный фонарь.

Рейф навалился на дверь, бесцеремонно просунув локоть в открытое окно.

– Будь у меня жена такая же голубка, я бы не стал искать ей замену среди местных голубков.

– Забирайся в карету, Рейф.

Рейф уселся рядом с господином в котелке, который при ближайшем рассмотрении оказался главным инспектором сыскальной полиции. Зено Кеннеди был вторым после Уильяма Мелвилла, начальника антитеррористического отдела, человеком в Скотленд-Ярде. Недавно Зено прославил себя и свое ведомство тем, что предотвратил готовящийся членами Фенианского братства крупный теракт и фактически обезглавил опасную террористическую группировку.

Инспектор усмехнулся:

– Как прошла ловля на живца?

Рейф скромно пожал плечами:

– Поймали одну рыбу.

– Крупную?

– Пожалуй, слишком крупную. Приятеля принца Эдди. Увы, пришлось его отпустить. Зено втянул воздух через зубы, словно в приступе нервной боли.

– Бьюсь об заклад, Мелвилла эта новость заинтересует. Где Флин?

– Добрый вечер, сэр. – Партнер Рейфа материализовался из мрака прямо перед окном.

– Садись в карету, и поехали.

Флин не заставил себя упрашивать. Зено постучал по крыше набалдашником трости, и экипаж тронулся с места.

– Значит, повеселились вы от души. Так вошли в роль, что соблазнили самого лорда Сомерсета. Неплохо для двух неразлучных Джеков-прыгунов.

– Мне больше импонирует образ агента-провокатора. У Джека-прыгуна слишком вызывающий наряд.

По лицу инспектора скользнул бледный луч уличного фонаря. Взглянув на Зено, Рейф сразу понял, что главный инспектор сыскальной полиции чем-то удручен. Интуиция редко подводила Рейфа, не подвела она его и на этот раз. Зено обошелся без предисловий:

– Беспрецедентный скандал в парламенте. Я пытался сдержать напор прессы. – Кеннеди протянул Рейфу сложенную вчетверо газету. – Увы, безуспешно.

Рейф развернул «Манчестер гардиан» и, щурясь в сумраке, прочел заголовок.

«ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА НАЙДЕН МЕРТВЫМ В ПАЛАТЕ ОБЩИН»

Рейф пробежал глазами статью.

– Имя жертвы Уильям Паттерсон Хадсон. Смотритель обнаружил беднягу примерно часов в пять пополудни. Похоже, преступник поместил останки, а точнее, усадил их на ту самую скамью, на которой покойный член парламента восседал в палате общин.

– Прямо-таки в пять часов, середь бела дня?! – не удержался от восклицания Флин. – Чертовски дерзкая выходка.

Свернув за угол, карета выехала на набережную. Впереди по курсу показался Вестминстерский дворец.

– Так что конкретно нам известно о Хадсоне? – поинтересовался Рейф.

Зено состроил кислую мину.

– Пока немного. Достоверно известно, что Хадсон занимался биржевыми спекуляциями и сделал несколько удачных инвестиций в железные дороги, чем и нажил приличное состояние. – Карета притормозила у здания парламента. Инспектор вышел из экипажа первым и, не дожидаясь остальных, энергично зашагал к помпезному входу для членов парламента. Рейф и Флин поспешили следом.

– Хадсон получил место в правительстве четыре года назад. – Зено говорил отрывисто, глядя прямо перед собой и не замедляя шага. – У него дом в Лондоне и поместье в Кентербери.

Зено предъявил документы охране у входа и, коротко бросив: «Они со мной», провел сослуживцев под нарядные дворцовые своды, отделанные золотистым бутовым камнем. В палате общин кипела работа. Эксперты-криминалисты, кто с лупами, кто без, прочесывали проходы в поисках улики.

Рейф окинул взглядом обитые зеленой кожей скамьи. Ничего, кроме пустых сидений.

– Где тело?

Зено посторонился, дабы обеспечить лучший обзор. Бывалые сыщики Скотленд-Ярда перевидали немало трупов на своем веку, но вид этого покойника поверг в изумление и Рейфа, и Флина.

На скамье третьего ряда, в самом центре восседала мертвая голова. Вернее, не восседала, а плотно сидела на обутых в модные остроносые ботинки ступнях, которые, в свою очередь, стояли в луже крови, растекшейся по зеленой коже сиденья.

Зрелище не для слабонервных.

Рейф, выйдя из кратковременного ступора, окинул росшую из ботинок голову оценивающим взглядом.

– Впечатляет.

Флин кивнул:

– Хотелось бы знать, кто с ним так разделался. Есть какие-нибудь соображения?

– Хадсон был человеком богатым и к тому же членом парламента. У него наверняка имелось немало завистников, – резонно заметил Зено.

От созерцания мрачной картины их отвлек эксперт-криминалист, который, подойдя к голове с раскрытым мешком для улики, деловито осведомился у начальства:

– Мы можем забрать останки, мистер Кеннеди?

Зено приподнял бровь и, обернувшись к Рейфу и Флину, коротко бросил:

– Вам достаточно того, что вы увидели?

Рейф нехотя приблизился к мертвой голове и присел перед ней на корточки.

– Надо бы оценить характер повреждений. – Эксперт-криминалист послушно приподнял обескровленную голову. Рейф вынул карандаш из внутреннего кармана пиджака и с его

помощью приподнял нос незадачливого члена парламента, с глубокомысленным видом изучая то, что когда-то было неотъемлемой частью единого организма. – Нам известно, какого роста был мистер Хадсон? – Зено неопределенно пожал плечами, и тогда Рейф обратился к эксперту: – Мы можем хотя бы примерно оценить рост жертвы?

Эксперт с молчаливого согласия детективов убрал голову в мешок и развернул складной металлический метр. Измерив один ботинок, он заявил:

– Джентльмен был высоким, сэ. По моим предположениям, не ниже шести футов.

Рейф с довольным видом кивнул, словно услышал именно то, что хотел.

– И какое расстояние между рельсами в Кенте?

Зено пристально посмотрел на Рейфа. Глаза его блеснули пониманием.

– Кто-нибудь знает, какова стандартная ширина железнодорожной колеи?

Молодой, лет двадцати на вид, эксперт, что изучал проход между скамьями ярусом ниже, поднял голову.

– Разные железнодорожные пути имеют разную ширину колеи. Единого стандарта пока нет, мистер Кеннеди, хотя... – Парень снял кепку и почесал затылок. – Что-то между четырьмя футами и девятью дюймами и пятью футами с лишним, если я правильно помню.

Рейф невольно усмехнулся.

– Получается, что его положили поперек узкоколейки, а тут выехал поезд, и...

– И снес ему голову. – Флин мрачно усмехнулся. – И ступни.

Даже Зено не сдержал кривой ухмылки.

– Я отправил нашего главного эксперта-криминалиста в Кент. Он опрашивает членов семьи покойного. Сегодня вечером я получил телеграмму от Арчи. Похоже, Хадсон пропал среди ночи.

Рейф хотел присесть на скамью, но в последний момент передумал.

– Его похитили прямо из спальни?

Главный инспектор вздохнул и задумчиво окинул взглядом зал заседаний.

– Похоже на то. – Взгляд его остановился на Флине. – Арчи хороший работник, но он ученый. У него нет вашей интуиции. Я хочу, чтобы вы встретились с ним в Кентербери. – Зено достал из внутреннего кармана пухлый конверт и протянул его Флину. – Здесь суточные и контактная информация.

– И возьми с собой Алфреда. – Зено кивнул в сторону собаки-ищейки, что обнюхивала проход ярусом ниже. – Сдается мне, что, прогуливаясь вдоль железнодорожных путей между поместьем Хадсона и железнодорожной станцией в Кентербери, ты наткнешься на кое-что интересное. Например, на пропавшее тело.

– Или на коровью лепешку. За что я и не люблю деревню. – Рейф подмигнул своему партнеру. – Соглашайся, все лучше, чем торчать на Кливленд-стрит.

Зено наклонился к Рейфу:

– Борьба с безнравственностью тебя не вдохновляет?

Рейф брезгливо скривился.

– Невелика доблесть – копаться в чужом грязном белье, даже если этого требует гражданский долг.

Зено лишь согласно хмыкнул в ответ.

– Если бы не тот чертов шантажист, так и жили бы себе спокойно и другим давали жить.

Сыщики покинули дом парламента, прихватив с собой пополнение – собаку-ищейку по кличке Алфред. Теперь в салоне кареты их ехало четверо. Флин и пес вышли в Сохо – там у Флина имелись апартаменты.

– Прошу докладывать мне о ходе расследования дважды в день, мистер Рис, – распорядился Зено и тут же постучал набалдашником трости в потолок кареты, давая кучеру знак отъезжать.

– Куда теперь? – поинтересовался Рейф.

– На станцию Чаринг-Кросс, – непререкаемым тоном заявил инспектор. – Мы с Флином будем вести расследование здесь, в Лондоне. А ты отправишься в Эдинбург.

В Эдинбург? В свой родной город? Только не это. Но Зено, зная кое-какие подробности биографии своего подчиненного, не стал бы посылать Рейфа в Эдинбург просто так, без веской причины.

– В Эдинбург, значит? Расследовать убийство... кого? – То ли он вправду обладал шестым чувством, то ли сработала профессиональная интуиция, но Рейф вдруг понял, что знает ответ на свой вопрос. И от догадки по спине его пробежал холодок. – Эмброуза Грейвил-Ньюджента?

– Его самого, Рейф.

Если кое-кто и сомневался в значимости изобретений Эмброуза, то его авторитет промышленника был непререкаем. На его заводах производились лучшие машины на паровой тяге, работавшие и на фермерских полях, и в шахтах, где добывалась руда. Мистер Грейвил-Ньюджент сумел наладить производство так, что оно приносило ему немалую прибыль, которую он постоянно вкладывал в усовершенствование выпускаемой им техники. Одним словом, его было за что уважать. Несколько дней назад Рейф узнал о смерти могущественного промышленного магната. Смерть его была жуткой и мучительной – его перемолола им же сконструированная паровая молотилка.

– Наши семьи дружили – моя и Грейвил-Ньюджента.

Зено приподнял бровь.

– Даже так?

– Владения Грейвил-Ньюджента граничат с нашими в Квинсферри, в Ист-Лотиане. Я был еще ребенком, когда Эмброуз приобрел соседнее поместье.

– Ну да, разве ты мне не говорил, что вырос в замке?

Рейф усмехнулся.

– В этом замке от силы комнат пятьдесят. По английским меркам это не замок, а хибара.

Кеннеди рассеянно кивнул, задумчиво глядя в окно. Он весь ушел в свои мысли и, наверное, даже не расслышал последнюю реплику Рейфа.

– Выводы делать пока рано, но, может статься, эти убийства связаны. Возможно, мы имеем дело с серией. Два ведущих промышленника погибают в течение одной недели. Очень странное совпадение. – В салон кареты пробился солнечный луч. Рейф взглянул в окно. Уже светало. Он и не заметил, как пролетела ночь. Зено сидел насупленный и хмурый. – Мелвилл не верит в случайные совпадения, когда речь идет об убийствах, – пробормотал Кеннеди.

С Мелвиллом не поспоришь. Если глава спецотдела Скотленд-Ярда не верит в случайные совпадения, значит, их не бывает. От дурных предчувствий у Рейфа свело живот. Он догадывался, что за задание подготовил для него Зено.

– Насколько я понимаю, вы считаете, что смерть Грейвил-Ньюджента в молотилке – не несчастный случай?

– В своей совокупности эти два убийства наводят на мысль о том, что убийца действует по заранее намеченному плану. И у нашего убийцы есть чувство юмора, хотя и довольно своеобразное. Безумец вершит собственное правосудие, следуя собственной безумной логике. – Зено подался вперед. – У Грейвил-Ньюджента осталась наследница, которая на каждом углу кричит о том, что намерена продолжать дело отца. После всего случившегося мы просто обязаны обеспечить ей защиту.

– Фрэнсин Грейвил-Ньюджент. – Рейф поморщился. – Как это похоже на Фанни. Она всегда была фантазеркой. Вообразила себя акулой бизнеса и сама поверила в свою выдумку. Хуже, если она и других заставила в нее поверить.

– Юной леди пока ничего не известно о наших подозрениях, – продолжал, не слушая Рейфа, Зено. – Не хотелось ее пугать раньше времени. И в самом деле, все, что у нас есть – это предположения и догадки. Нам нужны факты. И потому мы с Мелвиллом решили отправить агента туда, где произошел этот... инцидент с молотилкой. Прощупай там кого следует, попытайся...

– Вы понимаете, что нас кое-что связывает с этой девушкой... с этой юной леди?

Зено пробурчал Рейфа взглядом.

– Что именно вас связывает?

– Боюсь, это слишком щекотливый для обсуждения предмет, – сдержанно сообщил Рейф, всем своим видом давая понять, что не хочет развивать эту тему.

Зено сделал вид, что не понял намек.

– Насколько щекотливый?

Рейф отвел взгляд к окну. На улице посветлело настолько, что можно разглядеть вывески магазинов на Сент-Джайлс-серкус. До вокзала Чаринг-Кросс рукой подать.

– Я вынужден просить вас освободить меня от выполнения этого задания, – выдал Рейф.

– Я мог бы послать вместо тебя Флина, но сейчас уже поздно что-либо менять. И свободных людей у нас нет. Тебе остается лишь смириться с неизбежностью. Постарайся увидеть в этом и светлую сторону, а заодно и извлечь пользу для себя. – Зено криво усмехнулся. – Когда бы еще тебе выпала возможность вволю пообщаться с родственниками и друзьями? В конце концов, от тебя не так уж много и требуется – всего лишь постоянно находиться рядом с мисс Грейвил-Ньюджент и следить, чтобы с ней не стряслось беды. Отвечаешь за нее головой, понятно?

Рейф угрюмо молчал, глядя себе под ноги. С кем ему предлагалось общаться? С друзьями, которые давным-давно от него отвернулись? С родными, которые от него отказались? И даже если он попробует навести давно разведенные мосты, захотят ли бывшие друзья и вычеркнувшие его из памяти родственники общаться с ним? Перебрав в памяти всех, кого оставил на родине, Рейф насчитал всего одного человека, кто искренне обрадовался бы его приезду. Этим человеком была его тетушка Вертилайн.

Зено, понимая, в каком настроении пребывает Рейф, не стал приставать к нему с разговорами, а лишь молча сунул ему в руки бумажный сверток. Рейф рассеянно развязал бечевку и, достав из конверта деньги в крупных купюрах, пересчитал банкноты. Затем развернул лист с закодированным сообщением.

– Здесь имена наших агентов и адреса конспиративных квартир, – пояснил Зено.

– Похороны Грейвил-Ньюджента состоятся сегодня во второй половине дня, – продолжил Зено подчеркнуто сухим деловым тоном. – Насколько мне известно, дорога до Эдинбурга может занять самое большее семь с половиной часов. Так что ты успеваешь на поминки.

– Вот радость-то, – хмуро буркнул Рейф.

У Зено дернулся желвак под скулой.

– Если я правильно понял, Эмброуза хоронят в закрытом гробу. В полицейском отчете сказано, что непосредственно перед смертью Грейвил-Ньюджент находился в амбаре с работающей молотилкой. По всей видимости, он проводил тестовые испытания своего устройства. Однако, забрасывая в машину очередной сноп, он оступился и провалился головой вниз в загрузочную воронку. Шнек переместил его в барабан, и... – Кеннеди внезапно замолчал. – С тобой все в порядке?

Наверное, несмотря на скудную освещенность, Зено все же заметил, что его подчиненный несколько позеленел.

– Я знал покойного с детских лет.

Поколебавшись немного, Зено все же продолжил:

– Барабан на тот момент вращался на полной скорости, и его зубья перемололи Грейвил-Ньюджента почти мгновенно. Голова и верхняя часть туловища, с вашего позволения, превратились в фарш.

Рейф хорошо помнил крупного и шумного соседа, его густые усы, его улыбку. Он любил жизнь и был порядочным человеком. После смерти графа Эмброуз фактически заменил ему отца. Грейвил-Ньюджент хорошо относился к Рейфу до тех пор, пока он, Рейф, не отверг его единственную дочь.

– Значит, вы хотите, чтобы я присматривал за наследницей и одновременно разнохивал все, что можно разнохать на месте инцидента...

Карета остановилась напротив входа в здание вокзала. Рейф вышел, и кучер, не слезая с облучка, наклонился, протянув Рейфу дорожный мешок. Рейф вопросительно посмотрел на начальника. Зено, не выходя из экипажа, пояснил:

– Еле заставил твоего слугу Харланда собрать тебе вещи в дорогу. Весьма неприветливый тип.

– А, и вы заметили. – Рейф забрал у кучера мешок. – Благодаря Харланду я хожу в чистых рубашках и чистых подштанниках, а о большем я и просить не смею.

Второй человек в Скотленд-Ярде взялся за ручку двери, но, перед тем как ее закрыть, заметил:

– Эти преступления, если речь действительно идет о предумышленных убийствах, скорее напоминают казни, ты не находишь? Каким надо быть извергом, чтобы вот так расправиться с людьми! И чем ему не угодили эти промышленники?

Рейф пристально смотрел в глаза начальнику.

– Очень может быть, что Фанни грозит серьезная опасность, – заключил он.

– Самая серьезная опасность, – уточнил Зено и трижды ударил по крыше кареты, подавая кучеру знак трогаться с места.

Глава 2

– Я справлюсь, – закрыв глаза, еле слышно пробормотала Фанни. – Я просто не буду его замечать. – И тем не менее ее шепот достиг чуткого слуха Вертилайн Льюис.

– Не знаю, отчего моему племяннику вздумалось почтить нас визитом именно в этот скорбный для всех нас день, но не могу не признать, что я рада его видеть. – Вертилайн прищурилась, пытаясь разглядеть выражение лица Фанни сквозь траурную вуаль. – Прошу, дорогая, не обижайся на меня за это.

Фанни зябко повела плечами, хотя ей несколько не было холодно. Лето в этом году выдалось необычно теплым. Даже вечерний бриз не приносил прохлады.

– Ну что вы, Вертилайн, какие обиды, – ответила Фанни, поневоле оставив в покое искусанную нижнюю губу. – Хорошо, что хоть кто-то рад его приезду. Ведь кроме вас никто в семье с ним не разговаривает.

Фанни так долго и так истово внушала себе, что не испытывает к Рейфелу Льюису ничего, кроме вполне заслуженного презрения, что в конце концов ее усилия увенчались успехом. Со временем раны, нанесенные ее гордости, затянулись, чувства к пренебрегшему ею Рейфелу Льюису остыли, достигнув желаемой температуры.

Да она его просто ненавидела! Хотя, увы, это не совсем так. К несчастью, Фанни не могла бы заставить себя возненавидеть даже самого лютого злодея. Никого, даже Рейфа. Впрочем, ничто не мешало ей испытывать к Рейфу сильнейшую неприязнь.

Фанни проследила за взглядом пожилой собеседницы. Вертилайн разглядывала племянника, что стоял чуть поодаль, на возвышении, и наблюдал за церемонией. Фанни судорожно глотнула воздух, но, спохватившись, выдыхая, сосчитала до пяти. Он всегда был возмутительно хорош собой. Когда-то Фанни думала, что Рейф похож на принца. Теперь юный принц из детской сказки вырос и превратился в весьма импозантного мужчину. Фанни украдкой приподняла вуаль, чтобы лучше его рассмотреть. Вертилайн продолжала щебетать, но Фанни ее почти не слушала, одолеваемая нешуточной борьбой стихий. Волна праведного негодования схлестнулась с не менее мощной волной влечения к тому, кто носил благородный титул графа Сент-Олдуин, но джентльменом при этом не являлся.

– Ну конечно, все мы знаем, что он далеко не праведник, и уж тебе, дорогая, это известно лучше, чем всем прочим. Сколько же времени прошло с тех пор, как... – Вертилайн отвела взгляд в сторону, словно подходящие слова могли отыскаться среди зарослей у церковной ограды.

– Пять лет, – сказала Фанни и, взяв Вертилайн под руку, направилась к веренице экипажей, выстроившихся вдоль дороги при подъезде к кладбищу. Серые могильные плиты аккуратным пунктиром расчертили поросший густой шелковистой травой погост. Проводив тетушку Вертилайн к ожидавшей ее коляске, Фанни направилась к своей карете.

– Добрый вечер, Фанни.

Рейф стоял у обочины и держал в руке шляпу. Ей почти удалось стереть из памяти его лицо. Почти, но не совсем. Поднявшийся ветер взъерошил его густую шевелюру, и каштановая прядь упала на лоб. Фанни резко втянула носом воздух. За пять лет его черты приобрели скульптурную законченность – контуры лица стали четче, ямочка на подбородке вытянулась и углубилась, но во всем остальном он оставался таким, каким она его запомнила. Рейф был убийственно, преступно хорош собой.

Из-под темных бровей взлет на нее пристально смотрели знакомые зеленые глаза, переливающиеся то золотистым оттенком, то карим. В детстве она откровенно любовалась этими разноцветными крапинками. Рейф частенько подтрунивал над ней, но она никогда на

него не обижалась. Впрочем, сейчас в его взгляде она не заметила прежнего озорного блеска. И очень хорошо! Не хватало еще, чтобы он потешался над ней в день похорон ее отца.

– Прошу принять мои соболезнования...

Фанни, не удостоив его ответом, зашагала прочь. Ничего ей от него не надо – ни соболезнований, ни извинений. Ей вдруг стало нечем дышать, и к горлу подступила тошнота. Фанни сделалось страшно. Она до крови прикусила губу, но это не помогало – пульс зашкаливал.

Лишь оказавшись внутри кареты, Фанни почувствовала некоторое облегчение. Она надеялась, что сможет забыться и задремать, убаюканная стуком колес и мерным покачиванием экипажа, но не тут-то было. Вместе с ней ехал ее дядя Эдвард – единственный брат ее отца – со своей чудаковатой женой Офелией.

– Как это у тебя хватило духу заговорить с этим мерзавцем? Я бы ни за что...

– Я с ним не говорила, тетя Офелия.

– Прошу тебя, не расстраивай Фанни. Ей и так не по себе, – вмешался Эдвард.

Однако возмущение Офелии требовало выхода. К счастью для Фанни, болтливая тетушка не нуждалась в собеседниках для поддержания разговора. Ее нескончаемая трескотня не помешала Фанни с головой погрузиться в свои мысли, и, выныривая на поверхность, Фанни невольно задавалась вопросом, что расстраивает ее больше: глупая болтовня Офелии или с новой силой нахлынувшие воспоминания о том вечере, когда должно было состояться оглашение их с Рейфелом Льюисом помолвки.

Она тогда получила от Рейфела записку, в которой он просил ее срочно зайти в кабинет отца. Фанни вошла в кабинет и увидела его за стеклом. Рейф стоял на балконе спиной к ней. В приподнятом настроении, в новом вечернем платье – она впервые в жизни надела наряд с глубоким декольте, как у настоящей леди, она шагнула к нему на балкон. И тогда он обернулся и посмотрел на нее. Никогда в жизни не забыть ей того взгляда.

Рейфел смотрел на нее так, словно стал свидетелем чуда. Глаза его расширились от изумления и восторга. Он мог бы смотреть так на лесную нимфу или наяду. Никогда ни один мужчина так на нее не смотрел. Взгляд его, обжигая кожу, скользнул по ее губам и опустился ниже, в глубь отчаянно смелого декольте.

– Видит Бог, ты потрясающе красива.

Фанни зарделась, принимая комплимент, но, так уж вышло, не растерялась:

– Видишь, что случается с теми, кто учится с чрезмерным усердием. Удивительно, как ты вообще меня узнал. Если бы ты нашел время хоть раз заехать к нам...

– Но я приезжал домой. – Глаза его таинственно мерцали в темноте. – А ты, как мне помнится, проводила лето то ли в Риме, то ли во Флоренции.

– А вот мне помнится, что ты намеревался поехать с нами, но отчего-то передумал. Ты и представить не можешь, каково мне было во Флоренции в компании тети Офелии и кухни Клер.

– В горе спутников иметь – утешенье страдальца, – произнес на латыни Рейфел и, одним махом допив бренди, опустил пустой бокал на перила балюстрады. – Не сомневаюсь, что ты прекрасно провела время и без меня. Представь на минуту, что я был бы рядом... среди изобилия всех этих чудесных фресок с полуобнаженными прелестницами, среди гигантских нагих статуй, да к тому же в компании впечатлительной юной красавицы... – Глаза его блеснули, вызвав ответный прилив жара к щекам. – Ах, ты могла бы даже воспользоваться моей слабостью.

Ее ошибка состояла в том, что, вместо того чтобы посмеяться над его скабрёзной шуткой, она сказала то, что подумала:

– Не знаю, получилось бы у меня или нет, но я бы приложила к этому все старания, сэр. Рейф шагнул к ней и стиснул в объятиях.

– Как насчет поцелуя, красавица?

Фанни дерзко прижалась губами к его губам. Ей не забыть жар того поцелуя. Рейф был напорист и смел. Она помнила, как прижималась к нему всем телом, когда он шептал у самых ее губ:

– Я бы отдался тебе после первой же прогулки по галерее Уффици. – Он провел пальцем по ее губам, принуждая их раскрыться.

– Наскоро, между Боттичелли и Рафаэлем? – Она помнила, как сплетались, словно в танце, их языки, как кружилась от восторга голова.

Рейфел покрывал поцелуями ее щеку, ее висок.

– Я бы отвез тебя в пансион и не выпускал бы до самого вечера. – Он опалил дыханием нежную кожу за ухом. – Из своей постели. – Фанни почувствовала, что дрожит всем телом и ничего не может с этим поделать. Он усмехнулся и провел языком от мочки уха вниз, к ключице.

Рейф прикасался к ней там, где не должен был прикасаться. Фанни не остановила его и тогда, когда рука его скользнула в вырез декольте. Она вдохнула так глубоко, что лиф соскользнул с груди. Или это он его приспустил? Он бесстыдно мял ее грудь, и она не сопротивлялась, потому что внезапно силы покинули ее. Колени подгибались, отказываясь удерживать тело.

– Фанни, еще немного, и я не смогу остановиться. – Голос его был хриплым от желания. – Я совершил ужасную ошибку, не поехав с тобой в Италию. Что бы ни случилось после сегодняшней ночи... – Рейф приподнял ее грудь, что держал на ладони, и опустил на нее взгляд. Она чувствовала себя полуобнаженной Сабинянкой, запечатленной в мраморе Джованни да Болонья. Ее бросало то в жар, то в холод. Она помнила, как ее тело пронзило желанием, когда он прикоснулся к соску языком. Она даже не смогла сдержать стон... Стыд и срам!

Даже сейчас щеки ее вспыхнули от стыда при воспоминании о том, как вдруг негромко скрипнула, открываясь, дверь, и как потом она тихо закрылась. После из кабинета донеслось сдавленное хихиканье, а затем и сдержанное покашливание, словно кто-то прочищал горло. Рейф оторвался от ее груди, поднял голову и, встретившись с ней глазами, посмотрел в сторону двери. Фанни тогда тоже повернула голову и сквозь стекло встретила осуждающий взгляд отца, рядом с которым стояла его тогдашняя пассия...

«Довольно, – приказала себе Фанни. – Пора возвращаться из прошлого». Воспоминания разволновали ее, и даже мерное покачивание кареты не могло успокоить бушевавших в ней страстей. Что она себе позволяет? Не прошло и часа, как предали земле тело ее отца, а она... Нашла о чем думать в день похорон!

Офелия, между тем, вошла в раж:

– Какое бесстыдство! Это же надо набраться наглости, чтобы явиться сюда, да еще и в такой день! Представляю, как ужасно ты себя чувствуешь. Бедняжка! – пронзительно причитала она.

У Фанни лопнуло терпение. Она даже не пыталась скрыть раздражение:

– Тетя Офелия, вам не хватит никакого воображения, чтобы представить, в каком состоянии я сейчас нахожусь.

Офелия сделала вид, что ее душат слезы, и принялась промокать платочком блеклые глаза. Фанни давно привыкла к подобным приемам и на провокацию не поддавалась.

– О, Фрэнсин, – прошепелявила тетя. – Эдвард прав. Я тебя расстроила. Теперь ты на меня сердисься.

Фанни, самодовольно ухмыльнувшись, покрутилась на сиденье, устраиваясь удобнее.

– Не то чтобы я на тебя разозлилась, но, если ты будешь продолжать в том же духе, я действительно рассержусь.

Офелия неодобрительно поджала губы.

– Будь он хоть трижды граф Сент-Олдуин, на похоронах твоего отца ему делать нечего.

– На отпевании в церкви его не было. По крайней мере я его там не видела, – с усталым вздохом сказала Фанни. Чтобы не встречаться глазами с родственниками, Фанни предпочла смотреть в окно, делая вид, будто любуется панорамой города с моста над озером. В карете стало невыносимо душно. Фанни раскрыла веер, но, вспомнив о траурной вуали, с раздражением захлопнула веер. По ее телу заструился пот.

Оставалось лишь одно – распахнуть окно и глотнуть свежего воздуха. Пусть ветер и не приносил прохлады, он обдувал лицо, и Фанни радовалась и этому. Еще вчера все жаловались на холод, с нетерпением ожидая настоящего летнего тепла, и вот сегодня днем погода переменилась. А вот она, по крайней мере, радости по этому поводу не испытывала. Лучше уж мерзнуть, чем задыхаться от зноя.

– Мне даже хочется, чтобы он явился на поминки. С каким удовольствием мы укажем ему на дверь, – злобно прошипела Офелия.

Фанни едва не подскочила на сиденье.

– Мы этого не сделаем.

Офелия изумленно расширила глаза.

– Не сделаем?

Глядя в растерянное лицо тети, Фанни раздумывала, какой из многочисленных сценариев отмщения ей следует претворить в жизнь. За пять лет она успела продумать в мельчайших деталях столько разных сюжетов, что хватило бы на толстый том.

– Думаю, настало время поквитаться с досточтимым Рейфелом Льюисом, графом Сент-Олдуин. – Она усмехнулась одними губами. – Я заставлю его исповедать свои грехи, но, будь спокойна, Офелия, отпущения их он не дождется.

– Похоже, из всех присутствующих, если, конечно, среди них не окажется случайно забредшего сюда чужака, ты одна не участвуешь в заговоре молчания, – сказал Рейфел, подмигнув тетушке Вертилайн.

– И почему только, – усердно обмахиваясь веером, протянула тетя, – несмотря на все твои грехи, я продолжаю тебя любить?

– Действительно, почему? – наклонившись к тете, шепотом спросил Рейфел. Он сразу заметил в дальнем углу комнаты прелестную Фрэнсин Грейвил-Ньюджент. Она потрясающе смотрелась в черном платье. Элегантная, утонченная. Настоящая светская львица. И эти ее каштановые вьющиеся волосы, блестящие, густые, забранные в высокий узел. С каким бы удовольствием он распустил бы их, освобождая прядь за прядью, по одной вытаскивая шпильки из ее прически. И эти пухлые губки. Как она расцвела за эти годы! Или он забыл, как она красива?

– Хочешь знать правду? Я терплю тебя лишь за то, что ты умеешь меня рассмешить, – с простодушной ухмылкой призналась Вертилайн.

Вдохновленный примером тетушки, Рейф отважился и себе кое в чем признаться. Нет, он не забыл, как хороша Фанни. Он вообще не забывал о ней все эти годы, а лишь старался о ней не вспоминать, чтобы не причинять себе боль.

– Ну, тогда, чтобы тебя не разочаровать, я буду изо всех сил стараться ломать комедию.

– Кстати, твоя мать тебя заметила, – сообщила Вертилайн, кивком головы указав Рейфу, куда смотреть.

Вдовствующая графиня Сент-Олдуин стояла возле парадной лестницы в компании брата Рейфа Реджинальда, графа Сент-Олдуин, и своей невестки, миниатюрной Бесс, едва доходившей Реджинальду до плеча. Бесс, наблюдая за деверем из-за широкого плеча мужа, взглядами давала Рейфу понять, что готова исполнить роль миротворицы.

Рейф сдержанно кивнул, встретив полный ледяного презрения материнский взгляд. С Бесс он тоже поздоровался кивком, но сопроводил его приветливой улыбкой.

– Похоже, моя невестка решила нарушить бойкот. По крайней мере переводчиком я обеспечен. – Бесс, боязливо улыбнувшись, принялась яростно обмахивать красным веером пунцовые щеки.

Лакей, обносивший пуншем пришедших почтить память покойного, приблизился к стоявшему особняком Рейфу и его тетушке.

– Надеюсь, рома не пожалели, – выразила надежду Вертилайн, пробуя напиток. Рейф медленно направился к родственникам. – Взбодрись, ты все-таки не на эшафот идешь, – напутствовала его тетья.

Даже если горстка снобов, считавшаяся его семьей, и была готова простить Рейфу прегрешения пятилетней давности, то сегодняшней его проступок ему вряд ли простят. Какой моветон – явиться незванным на похороны отца им же брошенной невесты! Рейф не удивился бы, если бы его мать прилюдно отказалась с ним общаться.

– Здравствуй, мама. Жаль, что встретиться нам довелось при столь печальных обстоятельствах. – Он пристально смотрел на мать, пытаясь предугадать ее реакцию. У вдовствующей графини едва заметно дернулось веко, после чего она быстро отвела глаза. Она оставалась все такой же статной красивой женщиной. Время пощадило ее, хотя и прибавило седины в волосах. – Впрочем, наши встречи никогда не были особенно радостными, ты не находишь?

После некоторой заминки, Реджинальд обратился к матери:

– Рейф поздоровался. Обстоятельства не слишком благоприятствуют...

– За что мне это все? – Леди Сент-Олдуин, казалось, была на грани обморока. – Завтра о нем снова заговорит весь город. А Фанни каково? – Рейф вдруг испугался, что гнев и в самом деле задушит ее. И шагнул вперед.

– Мама.

Рейф приподнял бровь, давая понять брату, который, очевидно, считал в уме до ста в попытке успокоиться, что рассчитывает на его посредничество.

– Ах да. Мама говорила что-то о неудачно выбранном времени для визита. Так? – Реджинальд беспомощно огляделся.

Бесс на мгновение прекратила хлопать ресницами – ровно настолько, чтобы успеть подмигнуть Рейфу. Погладив мужа по предплечью, она ласково предложила:

– Позволь мне, Регги, милый?

Рейф сделал глубокий вдох и медленный выдох. Нельзя сказать, чтобы он полностью одобрял выбор брата – Бесс обожала интриги и никогда не упускала возможности с ним пофлиртовать. Временами бывала даже навязчивой.

– Вы очень любезны, Бесс, – сказал Рейф и вежливо поклонился, принимая предложенную помощь.

Необходимость «переводить» каждую реплику за Рейфом и графиней никому в семье не казалась тягостной, поскольку все давно привыкли к тому, что по-другому нельзя. Все, кроме Рейфа. Из желания досадить воротившим от него нос родственникам Рейф задавал такие вопросы, какие требовали долгих развернутых ответов, принуждая всех присутствующих выслушивать все сказанное дважды.

– Пожалуйста, напомните моей драгоценной матушке, что мне удалось выбраться домой в отпуск, по крайней мере...

Бесс предупредительно подняла палец.

Рейф прочистил горло перед тем, как продолжить:

– ... впервые за прошедшие пять лет на несколько дней... – Можно ли все это с полным основанием назвать «разговором»?